

- <sup>17</sup> О фольклорности первых книг «Истории», о метонимичности изложения Иосифа Флавия, о творчестве древнерусского переводчика см.: Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 39—40, 84—86, 82 и др.
- <sup>18</sup> Там же. С. 216, 221, 239, 258, 277, 295, 300, 315.
- <sup>19</sup> Там же. С. 376.
- <sup>20</sup> Там же. С. 402.
- <sup>21</sup> Там же. С. 258.
- <sup>22</sup> Там же. С. 104-105.
- <sup>23</sup> Ср.: Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. С. 98 (работа 1938 г.); Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 241, 255, 267, 302, 308.

522-е заседание. 4 апреля 2001 г.

Н. П. Гордеев

### Риторика обличителей и почитателей Дмитрия Самозванца

Как пишет Ю.В. Рождественский, «история риторики есть история стилей жизни». Новая риторика, очевидно, отражает новые взгляды, идеи и веяния — в противоположность старой. Речь идет об умении излагать («изобретать») мысли соответственно цели и обстоятельствам. Очевидно, риторике любой эпохи следует изучать как ее культуру и историю. Начало XVII в. занимает особое место в истории России: реформы Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца, усиление феодального гнета, стихийные бедствия (жестokie неурожаи и массовый голод), крестьянская война и Смута — недостаточно исследованные историками — явились преддверием Тридцатилетней войны и оставили неизгладимые следы в русской истории и культуре.

При изучении риторики периода Смуты нельзя забывать, что воцарение Дмитрия Самозванца означало новую оттепель, либерализацию, подъем экономики, улучшение жизни всего населения и европеизацию страны, а гибель царя-реформатора всколыхнула все русское общество снизу доверху и привела к его расколу.

Чтобы подавить народное сопротивление и жажду реформ, реакционно настроенным верхам и официальной церкви пришлось, в частности, повести массивную пропаганду. Агитационные сочинения (например, послания патриарха) зачитывались в церкви. Действовала жесткая цензура, порождавшая самоцензуру. Так, предполагается, что повесть «Како отомсти...», датируемая 1606 г., была написана на основе послания патриарха. «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612) читался 22 октября в московской церкви Введения Богородицы на Сретенке.

А.С. Аверинцев традиционно определяет риторику как «искусство хвалы и хулы». Однако «хвала» и «хула» — слова родственные и, видимо, равнозначные (например, в устах льстецов Эмпедокл, которого

Аристотель считал родоначальником риторики, представлял мир как гармоничное смешение элементов, то соединяемых Любовью, то разъединяемых враждой). Такая трактовка более всего подходит к риторике Смутного времени. А.М. Панченко относит к русским «публицистам» рассматриваемой эпохи монаха (Палицына), приказного дьяка (Тимофеева), двух князей Рюриковичей (Шаховского и Катырева-Ростовского). Сюда же можно было бы присовокупить патриарха Гермогена с его посланиями и неизвестного автора повести «Какое отомсти...». Последний мог бы быть собратом Тимофеева, т. е. приказным, который предпочел остаться неизвестным. Следует отметить популярность «Летописной книги», приписываемой то Шаховскому, то Катыреву-Ростовскому, — популярность, способную побуждать копиистов делать от себя добавления.

Так, блестящую характеристику царя Дмитрия I в конце этого сочинения или, по крайней мере, восторженный отзыв в стихах мог дать скорее всего грамотей простого звания — ерославской исходатай» из ярыжек. Он — единственный русский почитатель Дмитрия, выступивший в защиту реформатора.

Подобные произведения в значительной мере написаны по канонам гомилетики и носят назидательный религиозно — нравственный характер. Их цель — убедить народ в предательстве, еретичестве и кровавых замыслах Дмитрия Самозванца. Как и любая проповедь, они заканчиваются поучениями в христианском духе и славословием царю (в данном случае Михаилу Романову). Сказанное относится и к основному тексту «Летописной книги».

Для большинства русских сочинений характерно сочетание азиатского стиля (плетения словес) с аттическим (деловая проза). «Плетение словес» наиболее характерно для Тимофеева. Иностранцы же авторы предпочитают рациональную «протестантскую» риторику, делающую упор на выражение мыслей. Они приводят гораздо больше фактов и относятся к Дмитрию I, по крайней мере, с меньшей предвзятостью, если не восхищаются им, как Буссов и Маржерет.

Возьмем описание сражения войска Самозванца с Борисовой ратью в «Летописной книге»: «и брань жесточайше по обе страны, падают трупие семо и овамо. Уже солнцу уклонившуся на запад и покры я земля ночьюю тмою и тако преста брань». Эти ряды бессознательных предложений, упоминание, что сражение закончилось лишь после заката солнца, бесконечные архаизмы напоминают «Задонщину» и «Слово о полку Игореве». Аверинцев отмечает, что сходные приемы свойственны еще гомеровской «Илиаде». Орлов указывает, что злоупотребление стереотипными шаблонами типично для средневековой литературы. Участник того же сражения Жак Маржерет пишет по-военному: «20 декабря обе стороны сошлись и после двух— трехчасовой стычки разошлись без особых потерь, разве что Дмитрий упустил там хороший случай из-за неопытности своих капитанов в военном искусстве». Этот безыскусственный, но ясный и точный стиль, казалось бы, без

малейшего намека на риторику, позволяет сообщать весьма важные сведения о сражении и производит сильное впечатление на читателя.

Еще Платон противопоставлял риторическое искусство этике и придавал наибольшее значение последней. В риторике различаются три направления: эристика, предполагающая выигрывание спора любой ценой и любыми средствами, диалектику как поиск и утверждение объективной истины и софистику — видимое сочетание диалектики со стремлением выиграть спор любой ценой (Рождественский). Диалектика требует объективного рассмотрения всех фактов и исключает эмоциональное давление на слушателей или читателей, что свойственно средневековой проповеди.

Предвзятость в отборе фактов и чрезмерная эмоциональность характерна для всех русских сочинений Смутного времени. Так, в «Летописной книге» утверждается, что Дмитрий хотел насадить в России католичество и «кровь христианскую многую пролия». Это не соответствовало действительности. В повести «Как отомсти...» утверждает, что он хотел превратить монастыри в обычные дома и заставить жениться монахов, тогда как реформатор лишь хотел упорядочить монашескую жизнь. Правительство Годунова объявило «царевича» расстригой Гришкой Отрепьевым, но претендент появился в Польше за несколько лет до появления подлинного Отрепьева на Украине, а «чернецом» он не был — лишь скитался по монастырям в течение семи лет.

Для обличительной риторики характерно множество отрицательных синонимов: окаянный Рострига, предтеча антихриста, богоборный антихрист, хульник иноческого жития, попратель иноческого чина, чернец, отвергший обеты своя, незаконный царь (избранный всей страной!), законпреступный царь и т.д. Они переходили из одного сочинения в другое и должны были оказывать эмоциональное давление на русских людей.

Тимофеев мастерски владеет эллипсисом: «Яко же море не познавает в пределех своих малех держащихся в нем животных до единого, сице же царюющему не бе знай ни род сего, не имя его, — он же дерзну сицевому усынотворитися, якоже к Богу приближением приравнися!» (здесь же умело употреблены литота и риторическое восклицание). В «Летописной книге» находим типичный параллелизм: «и согласиася все воинство купно, и оружие своя воздвигоша, и на царевых воевод награсно нападаша и, поймав, во град Путивль связанных поведоша до онаго мнимаго царевича» (параллельные однородные предложения с глаголами на конце). Таких примеров можно найти много.

Но, как пишет Державина, для сочинений Смутного времени наиболее характерны сравнения и метафоры. Весьма ярки уподобления в «Хронографе» 1617 года: Отрепьев нагрянул «аки лютая буря», «аки лютый зверь, иже спяй в горах», «аки вебрь из дубравы многодревняя», «аки смертодыхательная скорпия, яже зрением уморяя многих». В «Как отомсти...» он предстает «яко же Арий безумен» (часты сравнения с Юлианом Отступником и Иудой). Обильны и метафоры. Так, в «Плаче...» сказано: «и не придя в сытость сицевого бесовского яда» — Самозванцу было мало «преступлений», которые он совершил преж-

де. В «Како отомсти...» он же «вонзи страх в сердце человека» (подобно мечу). Можно также привести пример из «Хронографа»: «воздвиза пламень ярости». Хворостинин похваляется, что разговаривал с Дмитрием, «высителные слова отсекая острием словеснаго меча».

Блистательны и антитезы. В «летописной книге» русские люди радуются приходу «царевича»: «Мертв бе и оживе, изгибе и обретесе». «Како отомсти» порицает Дмитрия: «Наименова себе не точия царем, но непобедимым кесарем» (хотя сравнения Самозванца с византийскими императорами довольно часты). «Хронограф» негодует: «Сей же бысть от родства не славных, ни великородных, но от последнихъ людей служивыхъ в чину детей боярскихъ». Зато у анонимного автора «Двоестрочия» в «Летописной книге» то же самое противоречие вызывает восхищение: «Понеже он бысть убогий чернец и возложи на ся царский венец...». Словом, почти к каждому из сочинителей можно применить оценку данную «Хронографом» Самозванцу: «...Речением же многословен и ко книжному прочтанию борзозрителен, но не на благо...».

Иностранные авторы гораздо более скупы на риторические приемы. Но и они владеют ими. Так, Геркман пишет о врагах Самозванца: «завистливые преследуют удачливого своим ядовитым жалом». Другая употребленная им метафора не менее выразительна: Дмитрий замечает, что «час смерти его приближается, что свеча его уже догорает». У Массы находим сравнение: «Воеводы взирали на Дмитрия, как на восходящее солнце» (что объясняет их нежелание сражаться против царевича). Можно привести антитезу того же автора: «Он, хотя и был героем и воином, но также и распутником». Или риторическое восклицание: «О, как они были ослеплены!»

Но, как Тимофеев выделяется риторическим мастерством среди русских авторов, так среди иностранцев особенно заметен Конрад Буссов. Он пишет гораздо более скромно и убедительно, чем Тимофеев, но гораздо менее скупится на риторику, чем, скажем, Исаак Масса и Жак Маржрет. Он пишет сдержанно, однако блестяще владеет синонимами, эпитетами и антитезами, нередко и к месту включает латинские цитаты и пословицы. Описывая гибель Дмитрия, он прибегает к антитезе: «Так внизу в грязи валялся отважный герой, который еще вчера восседал во всем почете и прославился во всем мире». Если Тимофеев сравнивает Самозванца с Иудой, то Буссов пишет, что убитый пострадал от заговорщиков, как Иисус Христос. Буссов поразительно точно сравнивает это кровавое событие с Варфоломеевской ночью, когда во время свадьбы короля Генриха Наваррского с сестрой Карла IX был убит адмирал Колиньи и тысячи других гостей-гугенотов. Участь, постигшую Дмитрия, он называет «трагическим зеркалом» для всех монархов.

Очевидно, средства риторики в описании характера и деятельности Дмитрия Самозванца резко обрисовывают духовное видение упомянутых авторов, их мировоззрение и политические взгляды. Налицо столкновение духа Средневековья и Нового времени, временное торжество прошлого в российской действительности.